

УДК 345.2

**Виктория Ивановна
ЕРЫГИНА,**

доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доцент кафедры менеджмента общего и профессионального образования Белгородского института развития образования, кандидат исторических наук, доцент
erygina@list.ru

**Алексей Алексеевич
ЕРЫГИН,**

доцент кафедры всеобщей истории доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского института МВД России, кандидат политических наук, доцент
erygina@list.ru

**Эдуард Викторович
БОГМАЦЕРА,**

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета (г. Москва), кандидат юридических наук, доцент
erygina@list.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПАРЛАМЕНТСКОГО ПРАВА С ПОЗИЦИЙ ДОКТРИНЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT OF THE PARLIAMENTARY RIGHT FROM THE STANDPOINT OF THE DOCTRINE OF NATIONAL CONSTITUTIONAL IDENTITY

В статье рассматривается преемственная связь современного российского парламентского права с советским периодом в развитии теории и практики парламентаризма. Парламентаризм развивается в советской теории и практике социалистического строительства в своеобразной форме верховенства системы советских органов народного представительства, руководимых коммунистической партией. Советская система власти напоминала новую модель парламентаризма, при которой функции государственной власти разделялись между высшими органами государственной власти и коммунистической партией.

The article deals with the successive relationship of modern Russian parliamentary law with the Soviet period in the development of theory and practice of parliamentarism. Parliamentarism develops in Soviet theory and practice of Socialist construction in the peculiar form of the supremacy of the system of Soviet people's representation bodies under leadership of the Communist Party. The Soviet system of authority resembled a new parliamentary model in which the functions of government authority were divided between its highest organs and the Communist Party.

Ключевые слова: парламентское право, парламентаризм, власть, народное представительство, законодательная и исполнительная власть.

Keywords: parliamentary law, parliamentarism, authority, people's representation, legislative and executive power.

Актуальность темы обусловлена необходимостью исследования сущности парламентского права в России с позиций историко-культурной методологии с целью поиска дальнейшего пути модернизации политических институтов общества и государства, в наибольшей степени обусловленных историческими традициями и соответствующими ментальности российского народа. Острота проблемы определения национальных особенностей российского парламентаризма связана с процессами глобализации, взаимопроникновения в национальные этнокультурные отношения системы универсальных ценностей, постепенно вытесняющих социокультурную уникальность народов и ослабляющих государственный суверенитет. Идеологии глобализации, угрожающей потерей самобытности, а порой и самостоятельности национальных государств в принятии важнейших решений в интересах своего народа, современная отечественная конституционно-правовая наука противопоставляет доктрину конституционной идентичности государства. Согласно данной концепции каждый народ имеет ту конституцию, на которую он дал свое согласие, которая является продуктом общественного согласия или многостороннего договора, включая соглашение между обществом и государством о форме и методах правления. Указанная доктрина служит основанием для разрешения споров о приоритете международного и национального права не только в вопросах защиты прав человека, но и «особо значимых правоположений», правовых традиций, составляющих, по словам В.Д. Зорькина, «системообразующее ядро национального правопорядка» [6, с. 214].

Понятие «конституционная идентичность» активно разрабатывается в зарубежной литературе, в России же лишь отдельные авторы затрагивают данное понятие. Так, В.Д. Зорькин использует это понятие для обоснования самостоятельности позиций Конституционного Суда РФ в спорных вопросах, когда имеется выбор между национальным конституционным правопорядком и нормами международного права при решении спорных вопросов. По его мнению, впервые это понятие в российской конституционно-правовой

практике появилось в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П, а затем в постановлении от 16 апреля 2016 г. в связи с вопросом о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека, в котором запрет участия в выборах лицам, содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда, был признан противоречащим Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Однако еще в 2003 г. К.В. Арановским был поставлен вопрос о понятии государственно-правовой традиции и конституционном праве как ее разновидности. [1, с. 31, 138] Концепция «конституционной традиции», разработанная известным конституционалистом на основе вовлечения в государственно-правовое исследование данных психологии и социологии, дала толчок для нового понимания права и правовых явлений как неотъемлемой части общества, как его культурно-исторический пласт. «Конституционная традиция», рассуждает К.В. Арановский, «представляет собой открытое обновлению, но все же устойчивое и целостное правообразование», которое включает в себя как «коренные, исконные для нее составляющие, обеспечивающие воспроизводство, продолжение конституции», так и заимствования инородных культурно-правовых явлений; нормативность и глубоко укоренившиеся убеждения, верования. [1, с. 378-387] Конституционную традицию сопровождают архетипы, которые свойственны определенным «конституционным» народам, не только имеющим глубокие исторические корни и самобытную культуру, но и готовым воспринимать путем заимствования западные ценности, инородный культурный материал (политические институты, правовые идеи, законодательные тексты и т.д.). [1, с. 351-361] К таким народам можно отнести и российский народ, к которому идея конституционной традиции пришла не сразу, а постепенно вызревала в его коллективном сознании. Архетипом российского народа можно считать его культурный код, составными элементами которого являются сильное единое государство, национальная идея и народное представительство. От идеи

народовластия постепенно россияне пришли к идее необходимости создания представительных учреждений.

Важнейшим элементом, составляющим культурный код российского народа, являются парламентские традиции, представляющие собой исторические формы народного представительства, квинтэссенцию народной воли, воплощенной в праве. Задача же данного исследования в рамках небольшой статьи состоит в доказательстве тезиса о том, что России не чужды идеи демократии, практика выборности и коллегиального принятия решений представительными органами государственной власти и местного самоуправления как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе развития. Поэтому не стоит Россию относить к числу стран, в которых необходимо искусственно внедрять идеологию и практику парламентаризма, концепцию демократизации всех сторон жизни общества. Искусственные прививки элементов демократии и либерализма в западном понимании на российской почве чреваты их отторжением народом. А несоответствие России универсальным моделям конституционного правового государства нельзя трактовать как извечную тягу страны к авторитаризму, а народа – к «жесткой руке» и долготерпению, это скорее объясняется своеобразием ее исторического пути развития с позиций культурно-социологической, исторической методологии.

Сами понятия «конституционализм» и «парламентаризм» – сравнительно новые явления XX в. Они еще не в полной мере прижились на российской почве, привычнее называть данные явления правовым порядком, представительным правлением, народовластием и т.п. В настоящий момент в системе законодательной власти функционируют множество законодательных органов, условно называемых «парламентами», которые, реализуя правотворческую функцию, принимают общеобязательные правовые предписания, по которым осуществляют деятельность все органы публичной власти, общественные формирования и граждане. [2, с. 25-29]

Такая молодая наука в России, как парламентское право, предполагает обращение

к историческим ее истокам для того, чтобы показать преемственность существующих сегодня парламентских институтов в теоретическом и практическом контексте со сложившимися вековыми демократическими традициями и учреждениями.

В отечественных исследованиях последних лет все больше внимания уделяется истории российского парламентаризма, что свидетельствует об актуальности данной темы, а также показывает уровень жизнеспособности парламента с учетом культурных и ментальных особенностей российского народа. [10; 12] Среди таких работ можно назвать монографию Ю.Л. Шульженко «Российская теория парламентаризма», в которой анализируются различные подходы к определению «парламентаризм», а также этапы его становления и развития в России. Автор выделяет три основных периода: первый – дореволюционный, до октября 1917 г., включающий два этапа: 1) до 1905 г. – время формирования зачатков парламентаризма, 2) этап формирования конституционной монархии в России (1905 г. – февраль 1917 г.). Второй – советский – период (октябрь 1917-1991 гг.) ученый называет временем отказа от парламентаризма, замены его Советами и критики парламентаризма в зарубежных странах. Третий – современный – период (с 1992 г. по настоящее время) характеризуется процессом возрождения парламентаризма, сущностные черты которого закреплены в Конституции Российской Федерации 1993 г. Ю.Л. Шульженко считает, что парламентаризм как теория активно разрабатывался и продолжает исследоваться только в первом и третьем периодах, а в советское время, по его словам, произошло «свертывание активных исследований в области парламентаризма» [19, с. 3-4].

Однако, по нашему мнению, парламентаризм развивался в советской теории и практике социалистического строительства, только в своеобразной форме верховенства системы советских органов народного представительства, руководимых коммунистической партией. Если понимать под парламентаризмом только лишь систему представительства, то советская система власти является образцом

народовластия, а следовательно, парламентского представительного правления.

Однако современные ученые парламентскими учреждениями называют древнерусское вече, Боярскую думу, Земские соборы, Уложенную комиссию Екатерины II, дореволюционную Государственную думу, наделенные в лучшем случае совещательными полномочиями [17], но почему-то отказывают Советам в выполнении функций парламента. Не слишком ли резкая критика раздается до сих пор в адрес всей прошлой советской системы организации власти? Тем не менее стремление народа к созданию собственных представительных органов государственной власти никогда не пропадало, он всегда хотел решать вопросы сообща, «всем миром», т.е. коллегиально, выражая интересы разных слоев общества, поэтому он поддержал не Временное правительство и Временный Совет Республики в 1917 г., а Советы. Конечно, так же как и дореволюционную Думу (1905-1917 гг.), Учредительное собрание 1918 г., Всероссийские и Всесоюзные съезды Советов, ВЦИК Советов, местные Советы можно считать квазипарламентскими учреждениями или неполноценным парламентом, или, как пишет Ю.Л. Шульженко, «органами парламентского типа» [19, с. 58-59]. Но почему же Советы нельзя назвать парламентом или, по крайней мере, парламентским учреждением. Оказывается, потому что вслед за К. Марксом В.И. Ленин отрицал разделение властей, т.е. отделение законодательной власти от исполнительной и, следовательно, видел в Советах органы, обеспечивающие единство законодательства с исполнением законов.

В.И. Ленин писал о том, что советская конституция уничтожает выявленные отрицательные стороны парламентаризма, «особенно отделение законодательной и исполнительной властей, оторванность парламента от масс и пр.» [12, с. 110]. Советская власть, по словам В.И. Ленина, дает возможность «соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию, и исполнение законов» [10, с. 305]. Цель – постепенный переход «к выполнению функций законодательства и управления государством поголовно всем трудящимся населением» [11,

с. 481]. Согласно замыслам В.И. Ленина, должно было быть построено абсолютное представительное государство снизу доверху, представлявшее интересы народа, которое многие либералы считали лучшим способом правления. В чем же был недостаток этой теории? Она явно противоречит теории разделения властей, изобретенной еще в XVII-XVIII вв. выдающимися зарубежными мыслителями Дж. Локком и Ш. Монтескье, которые доказывали, что именно при разделенной власти невозможна ее узурпация монархом или каким-либо отдельным органом власти, так как каждая из них будет сдерживать и контролировать другую. [2] Однако исторический опыт функционирования I и II Государственных дум Российской империи показывает, что резкая конфронтация между ветвями и органами власти не приводит к эффективному управлению. Не напрасно поэтому в России в учении С.А. Котляревского появляется теория не разделения, а сотрудничества властей для решения общих стоящих перед страной задач. [5]

Именно солидарность власти и народа, органов власти в наибольшей степени подходит культурному коду российского государства. Поэтому не либеральные идеи зарубежных авторов о западноевропейской модели власти с ее разделением властей и отделением публичной власти от народа больше соответствовали отечественному менталитету россиян, а ленинская идея о том, что в руках народа будут сосредоточены все нити управления. В.И. Ленин подчеркивал такие специфические черты Советов: они являются верховной государственной властью, «составляются из представителей трудящихся народа (рабочих, солдат и крестьян), свободно выбирающих и сменяемых в любое время массами, доселе угнетавшимися капиталом ... свободно объединяются, на началах централизма, в единую, федеральным союзом скрепленную, общегосударственную Советскую власть Российской Советской республики» [11, с. 481]. Советы – это «власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли» [9, с. 319]. От-

рицание парламентаризма в советской юридической науке было связано с критикой его недостатков: оторванности депутатов, имеющих иммунитет, привилегии и капиталы, от простого народа; грязных избирательных технологий на выборах, подкупа избирателей и покупки депутатских мест; зависимости депутатских решений от мнения главы государства и чиновников; превращения парламента в «пустую говорильню» и т.п.

Казалось, что отказ от парламентаризма гарантирует советскую представительную систему власти от вышеназванных недостатков и бюрократизма. Однако в реальной действительности особенности советской системы власти напоминали новую модель парламентаризма, при которой функции государственной власти разделялись между Съездами Советов, ВЦИК, Верховным Советом и Советом народных комиссаров (Советом министров), исполкомами Советов. Полномочия исполнительных органов власти на себя взяли исполкомы Советов в центре и на местах, которые формировались Советами и должны были отчитываться перед ними. Главным положительным достоинством первых социалистических представительных органов являлся их демократизм, выражавшийся в том, что они сами состояли из рабочих, крестьян и других трудовых слоев общества, сами принимали решения в их интересах и сами способствовали претворению их в жизнь, не передоверяя исполнение решений каким-то другим органам и институтам. Конечно, не знакомые с делом управления государством, обществом в силу неопытности, недостатка знаний советские парламентарии, представительные учреждения советского типа совершали ошибки. Но их решения и действия были понятны трудящимся, у которых был такой мощный рычаг воздействия на «нерадивых» депутатов, как отзыв. Постепенно по мере появления и возрастания числа профессиональных парламентариев увеличивается разрыв между классом управленцев, избираемых на безальтернативной основе, и остальным населением, что ведет к отрыву власти от народа и к очередному ее кризису.

К середине 1980-х гг. советский государственный режим, склонный к тоталитарному

и авторитарному стилю регулирования отношений между обществом и государством, все больше утрачивает демократические черты, присущие парламентским правлениям. Ему на смену приходит государственный режим, основанный на плюрализме мнений, альтернативности выборов, разделении властей. С конца 1980 – начала 1990-х гг. Россия переживает новый виток развития парламентаризма, расширения представительных начал в государстве. Создаются новые парламентские учреждения: Съезд народных депутатов СССР, формирующий Верховный Совет СССР, а после распада Советского Союза аналогичные органы создаются и в России. К власти приходят новые политические элиты, которые вначале именовались демократами, затем их сменили либералы с их идеями расширения общепризнанных прав и свобод человека и возрастания роли выборных институтов. Созданное в конце 1993 г. Федеральное Собрание является правопреемником всех предшествующих парламентских традиций как в нашей стране, так и за рубежом. Однако судьба его непредсказуема сегодня, когда в моде лишь консервативные, патриотические идеи, роль и значение которых возрастает ввиду усиления враждебности в отношениях между Россией и странами Западной Европы, в которых зародился парламентаризм.

Создание в 1990-х гг. парламента в России потребовало и активной разработки учеными парламентского права как отдельной науки. Основу парламентского права составили труды как зарубежных ученых, так и российских государствоведов начала XX в. Что же касается советского периода, то, по определению И.М. Степанова, «в сфере парламентского права ни о какой преемственности (ни практической, ни теоретической) с советским периодом речи быть не может, – там, где не было парламента, не было и парламентского права» [16, с. 9].

Однако данное утверждение можно оспорить тем, что советские ученые не прекращали изучать парламентаризм в зарубежных странах, хотя бы с целью его критики. [7, с. 129-130, 8; 11] Критический настрой сохранялся и при исследовании избирательно-

го права в капиталистических странах, в частности вопросов об избирательных цензах, о предвыборной пропаганде, связи избирательной системы с многопартийностью, социальном составе буржуазных парламентов, избирательных системах, абсентеизме и др. [19, с. 78-90] Большое внимание советские ученые уделяли проблеме падения роли парламента и усиления роли исполнительной власти в буржуазном государстве. Советские ученые называли систему управления, при которой правительство фактически преобладает над парламентом и узурпирует его законодательную функцию, министерализмом. В советской науке утвердилось понятие министерализма как одно из «проявлений кризиса парламентаризма», которое представляется чрезвычайно «громоздким», «негибким», «неподвижным» или «малоподвижным», не способным удовлетворить интересы господствующего класса и поэтому должно уступить место «сильной власти» в лице правительства. [4, с. 62-63] Критике советских ученых подвергались такие элементы зарубежного парламентаризма, как «делегированное законодательство», «двухпалатная система буржуазного парламента», «падение традиционных прав парламента на законодательство, формирование государственного бюджета, свертывание верховного (парламентского) контроля за деятельностью всех других органов буржуазного государства» [19, с. 90-99]. «Сам термин "парламент" не приветствовался и ассоциировался, как правило, с капиталистическими странами» [19, с. 99]. Советские ученые дали различные определения парламентаризму в зависимости от формы правления государства и специфики страны, тем самым выявив его характерные признаки: привилегированное положение парламента, распределение законодательных и исполнительных функций между различными органами государственной власти, контроль парламента над деятельностью пра-

вительства; избрание парламента населением; исключительное право парламента принимать законы, определять бюджет, налоги и др. [19, с. 99-103]

Интересно, что все, что критиковали советские ученые «в западном парламентаризме, имело место в нашей стране, и в самых антидемократических, антигуманных формах» [19, с. 110]. В частности, принцип единства законодательной и исполнительной властей привел к тому, что парламента не стал высшим органом власти согласно Конституции СССР, правительство же превратилось в безответственный, бесконтрольный орган власти. Реальной властью в стране обладала лишь одна политическая сила – коммунистическая партия с ее партноменклатурой, заботящейся не о благе народа, а о своих корыстных интересах.

Таким образом, отрицание парламентаризма в Советской стране не означало его отсутствие. Парламентаризм был, но в самом худшем его варианте, который резко критиковался советскими учеными в зарубежных капиталистических странах, с преобладанием в системе государственного управления не законодательной власти, а исполнительных органов власти в лице даже не правительства, а партийной номенклатуры, с безальтернативностью выборов, их заменой фактическим назначением, отсутствием демократизма во взаимоотношениях между властью и народом.

Но вместе с тем современное парламентское право выросло из «советского строительства» той науки, которая занималась рассмотрением вопросов формирования и деятельности советских представительных органов власти – Советов. Поэтому современная наука парламентского права имеет преемственность с советской юридической наукой и опирается на общие достижения как отечественного государственного права, так и зарубежного государствоведения.

Библиографический список

1. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 658 с.
2. Безруков, А.В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России : монография / А.В. Безруков. – М.: Юстицинформ, 2015. – 188 с.
3. Безруков, А.В. Роль законодательной власти в системе разделения властей и механизме обеспечения правопорядка в России / А.В. Безруков // Современное право. – 2015. – № 6. – С. 25-29.
4. Денисов, А.И. Советское государственное право / И.А. Денисов. – М.: Юриздат, 1940. – 336 с.
5. Ерыгина, В.И. Политические партии как институт парламентаризма (из истории политико-правовой мысли России конца XIX – начала XX вв.) : монография / В.И. Ерыгина. – Белгород, 2013. – 318 с.
6. Зорькин, В.Д. Право против хаоса : монография / В.Д. Зорькин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 368 с.
7. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / под ред. Б.А. Страшуна. Т. 2. Общая часть. – М.: Издательство ВЕК, 1995. – 404 с.
8. Конституционное право : учебник / отв. ред. А.Е. Козлов. – М.: Издательство БЕК, 1997. – 464 с.
9. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М., 1969. – Т. 12.
10. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М., 1969. – Т. 34.
11. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М., 1969. – Т. 36.
12. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М., 1969. – Т. 38.
13. Лукьянов, А.И. Парламентаризм в России (вопросы истории, теории и практики) : курс лекций / А.И. Лукьянов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 304 с.
14. Очерки парламентского права / под ред. и с предисл. Б.Н. Топорнина. – М., 1993. – 179 с.
15. Парламентаризм: проблемы теории, истории, практики : сб. научных статей к 60-летию заслуженного юриста РФ, доктора юрид. наук, проф. В.Б. Исакова. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 304 с.
16. Парламентское право России : учебное пособие / под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. – М.: Юрист, 1999. – 392 с.
17. Фадеев, В.И. Народное представительство. Ч. 1. Историко-теоретические корни : монография / В.И. Фадеев. – М. : Проспект, 2015. – 168 с.
18. Фарберов, Н.П. Иностранное государственное право : учебное пособие для слушателей ВЮА. Вып. 1 / Н.П. Фарберов. – М.: РИО ВЮА, 1947. – 174 с.
19. Шульженко, Ю.Л. Российская теория парламентаризма : монография / Ю.Л. Шульженко. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 168 с.